

Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде — вариант 3

Бывало-живало - в некотором царстве, в некотором государстве, у царя Ефимьяна было три сына: первый сын - Павел, второй сын - Федор и третий сын - Иван Запечный. Царь Ефимьян стал стариться и, собрав свою силу, спросил: "Кто бы съездил за молодою и живою водою? Я бы тому добро сделал". И удумали бара: "Опрично твоего сына, Павла-царевича, некому ехать". Царь дает ему тысячу рублей и своего доброго коня. Павел-царевич садится на того доброго коня и стежит; немало времени ехал, попал на росстань - на росстани стоит дуб, на дубу подписано: вправо ехать - мертвому быть, а влево ехать - к Ирине мягкой перине попадешь, спать мягко и хлебать кисель! Ирина мягкая перина встречает Павла-царевича: "Поди-тко ты, Павел-царевич, разболокайся и разувайся, клади свое цветное платье - хоть тысяча рублей или две будь, ничто твое не утерается!" Напоила-накормила, на пуховик спать повалила: "Ложись к стенке, а я лягу на крайчик!" Она его под середку подхватила, пришибла им пол, и улетел он в погреб, а погреб тридцать сажон глубины; бросила к нему кудельки: "Когда научишься прясть, в ту пору дам тебе есть!"

Царь Ефимьян не мог своего сына дожидаться и стал собирать опять свою силу; спрашивает: "Кто бы съездил по живую и молодую воду? Я бы тому добро сделал". Думали-подумали бара и возговорили: "Опрично твоего сына, Федора-царевича, некому ехать". Царь Ефимьян дает ему две тысячи рублей и своего доброго коня; Федор-царевич садился на того коня, немало времени ехал; когда попал на ту же росстань - на росстани стоит дуб, на дубу подписано: вправо ехать - дак мертву быть, а влево ехать - дак попасть к Ирине мягкой перине, спать мягко и хлебать кисель. Ирина мягкая перина, встречая, мурлычет: "Поди-тко ты, Федор-царевич, и куды ты, родимый, поехал? Куды тя бог понес?" Накормила-напоила, на пуховик спать повалила: "Ложися к стенке, а я лягу на край!" Подхватила его под середку и прошибла сквозь пол; он свалился в тот же демонский погреб.

Царь Ефимьян не мог дожидаться своего сын Федора, стал собирать свою силу: "Кто бы съездил по живую, по молодую воду? Я бы тому сделал добро". И собран был большой совет, на котором тоже положили, что опрично твоего сына Ивана-царевича некому ехать. Иван-царевич затужился и запечалился,

приходит по вечеру к бабушке-задворенке. Бабушка-задворенка говорит: "Что, Иван-царевич, затужился и запечалился?" - "Как мне не тужить и не печалиться? Бачка посылает по живую, по молодую воду, за тридевять земель, в тридесатую землю, за белое море - в дивье царство, а нет у моего батюшки доброго коня". - "Как нет у твоего батюшки доброго коня? Есть добрый конь, заперт за тремя дверьми, третьи двери уже копытом пробивает! Этот конь будет тебе служить верою и правдою. А караулит коня плехатый старик; приди, старика по плечи больно хлопни - отдаст тебе доброго коня". По сказанному, как по писаному, схватил Иван-царевич коня под повод и троижды около себя обернул; конь взмолился человеческим гласом Ивану-царевичу, что я буду тебе служить верою и правдою. У коня этого из ушей дым валит, из ноздрей искры сыплются, из рота пламя пышет. Иван-царевич садится на добра коня, стежит его по толстым ребрам, и скачет конь выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, горы, реки и озера меж ног пропускает, поля-луга хвостом устилает.

Немало времени ехал царевич и доехал до того ж дубу - стоит дуб на росстани, и подписано на дубу: вправо ехать - мертву быть, а влево ехать - к Ирине мягкой перине попасть, спать мягко и хлебать кисель. Он и говорит: "Видно, мои братья уехали киселя хлебать!" Сам поезжает вправо по живую и по молодую воду; ехал немало времени, доехал до бабушки-задворенки. Бабушка-задворенка встречает Ивана-царевича: "Куды ты, бажонный, поехал?" - "Бабушка-задворенка! Напой-накорми, на пуховик спать повали, в головушки сядешь и спрашивать станешь". Она его накормила-напоила, спать положила. "Я, - говорит царевич, - поехал по живую и по молодую воду за тридевять земель, в тридесатую землю - в дивье царство". - "Иван-царевич! Не быть тебе живому". - "Авось бог и пособит!"

Иван-царевич поутру встает ранехонько, умывается белехонько; бабушка-задворенка накормила его завтраком и дает ему коня еще лучше того и говорит: "Полтора часа только караулы спят в дивьем царстве; не зевай!" Приехал он в то царство; конь разбежался и перескочил чрез каменную стену; царевич поставил коня к столбу - к золочену кольцу, и набрал воды живыя и молодая, и подумал умом: "Времени еще четверть часа нет, схожу-ка я к девице - посмотреть". И видит: спят двенадцать девиц, все как одна; царь-девицу по тому мог узнать - спит, пышет, будто с дубу лист бруснет. И удумал сменяться с нею именными перстнями: ее перстень к себе взял, а свой перстень ей отдал, и приходит к коню. Конь говорит человеческим языком: "Ой, Иван-царевич! Мне тебя не увезти; поди на росе выкатайся, самоцветное платье выхлопай". Сделал то Иван-царевич и сел на своего доброго коня; конь разбежался, перескочил чрез городскую стену, да задней ногой за

струну задел; струны запели, колокола загудели, караулы сбунтовались, что за муха в городе была?

По времени царь-девица пробуждается и своих караулов посылает: "Подите состигите!"³⁵, а он впромеж приезжает к бабушке-задворенке; "Что, Иван-царевич, долго призамешкался?" Дает ему щетку, кремешок, площадку: "Станут тебя состигать, ты брось щетку и проговори троижды: стань, чаша, от земли до неба, чтобы конному проезда, пешему прохода и птице полета не было!" Караулы, наехав на чашу, взад воротились к кузнецу, топоров наковали, прискакали и хотели было эту чашу рассекать, смотрят - нет ничего. "Морочит, видно!" - и все тут покинули. Стали опять состигать; царевич кинул кремешок и проговорил троижды: "Стань, гора кременная, от земли до неба, от востоку до западу!" Караулы, наехав на гору¹, взад воротились к кузнецу, молотов наковали, прискакали - нет ничего: "Морочит окаянный!" Тут и молоты пометали. В третий раз, когда стали состигать, бросил он площадку и проговорил троижды: "Распльвись, река огненная!" - и сделалась река, за кою караулы мост смостили.

В ту пору царевич далеко уехал. Не догнав за тою промешкою, караулы воротились назад; а Иван-царевич приехал к дубу на росстани: "Съездить мне-ка к братьям, живы они или нет?" Приезжает к Ирине мягкой перине, и встречает Ирина мягкая перина Ивана-царевича. "Куды, - говорит, - поехал? Куды тебя бог понес? Раздевайся, разболокайся, свое цветное платье на стол клади - хоть тысяча, хоть две будь, ничто твое не утерется!"

Напоила-накормила, на пуховик спать повалила. "Ложись к стенке!" Он говорит: "Я не сплю у стенки, а сплю на крайчику". Нужно было ей самой у стенки лечь; царевич ее подхватил под середку и прошиб сквозь пол, и улетела Ирина мягкая перина в погреб, а он опустил конец веревки, вытащил своего брата и сказал: "Волочите друг по дружке всех и отправляйтесь по домам!"

Сам садится на своего доброго коня; доехав до старого дубу, спускает коня в чистое поле кормиться и ложится спать. Приходит к нему старичок и говорит: "Ой, Иван-царевич, тебя убьют!" - "Врешь, старый; сгинь с глаз!" Старшие братья, идучи домой, согласились между собою и убили Ивана-царевича, живую и молодую воду отобрали; приходят к своему отцу и дали ему той воды живыя и молодыя. Он испил и стал лучше старины. Вот приходит старичок к Ивану-царевичу - только оставалась одна хребетная кость; садится он под хребетную кость, прилетел ворон клевать, он ворона захватил за¹ ногу и сказал: "Черное воронье! К этой туше соберите косье; буде не соберете, то весь род ваш выведет". Черное воронье заревело, стали со всех сторон косье

снашивать; старичок стал складывать косточку к косточке, косье склал, дунул - стало тело, другожды дунул - зашевелился, троижды дунул - вскочил добрый молодец: "Ну, старичок! Как я призаспался". - "Кабы да не я, ты бы все еще спал!" Очнулся царевич - что нагой, и говорит старичку: "Одень меня!" Старичок дунул - он и оделся. Приходит Иван-царевич в Ефимьянское царство, нанялся в цареve кружале сороковки катать; рядил за работу себе два ведра в сутки вина зеленого, и живет так больно весело немало времени.

Царь-девица приходит под Ефимьянское царство на корабле, состроила мосты калиновые - на три грани испротесанные, по три гвоздя заколоченные; на концах были гульбища, по гульбищам были пташицы, пели-выпевали всякими словесами, разными голосами; поверх моста красным сукном устлано. И пишет она царю Ефимьяну: "Поддай виноватого человека!" Царь посылает своего сына Павла: "Поди с ответом". Он разулся и пошел босиком - надо сукна не замарать; идет под гору. У царь-девицы было два сына - от Ивана-царевича народилися; говорят они: "Вот тот царевич идет, что живую воду взял!" - "Нет, не тот! Накормите его морскою кашею: не виноват - дак не ходи!" Взяли его о корабль хлопонули; Павел-царевич едва с корабля ушел. Вторично пишет к царю Ефимьяну: "Поддай виноватого человека!" Царь Ефимьян посылает другого сына, Федора; этот, пойдя, черевички с ног снял. "Надеть, - говорит, - красного сукна не замарать!" Завидя его, царь-девица тот же приказ отдала: накормить морскою кашею. "Не виноват - дак не ходи!" Едва с корабля живой ушел.

И грозно в-третьяжды пишет царю Ефимьяну: "Царь Ефимьян! Поддай виноватого человека". Он не знает, кого послать, затужился и велел ярыжкам искать везде виноватого; а Иван-царевич, гуляя на кружале, говорит: "Видно, моя вина, нужна и моя голова! Пойдемте со мною, все пропойцы! Еще вас угощу и потешу. Во имя мое сукна рвите, пташиц берите и мосты ломите!" От того под горою гам сделался; у царь-девицы дети уstraшилися и сказали ей, что неприятель подступает. А она в ответ: "Какой неприятель! То идет ваш тятка, у него такая ухватка!" Иван-царевич пришел на корабль, с царь-девицею обнялся, в уста поцеловался; она корабль от берегу отвалила и пошла в дивье царство, вышла за него там замуж, и стали они жить да быть, и теперь живут, хлеб жуют.